

На правах рукописи

Малахова Елена Владимировна

**Кризис техногенной цивилизации и формирование новых
ценностных перспектив**

Специальность 5.7.6. – Философия науки и техники

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва – 2024

Работа выполнена в секторе междисциплинарных проблем научно-технического развития Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук.

Научный консультант:

Лепский Владимир Евгеньевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Официальные оппоненты:

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет».

Моисеев Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, биомедицины и гуманитарных наук Научно-образовательного института социальных, гуманитарных и экономических наук им. А.П. Чехова Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет медицины» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Поволжский государственный технологический университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный технический университет», кафедра психологии, истории и философии факультета управления и социальных коммуникаций.

Защита состоится 1 октября 2024 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.143.03 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Зал заседаний Ученого совета (комн. 313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН и на сайте Института философии РАН:

https://iphras.ru/uplfile/diss/malahova/malahova_dissertatsiya.pdf

Автореферат разослан « ____ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.1.143.03
кандидат философских наук

М.А. Пилюгина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Можно ли сказать, что техногенный путь развития, по которому движется большая часть современного человечества, в конце концов завел нас в тупик? Действительно ли та техногенная цивилизация, в которой мы живем, переживает сущностный кризис? Для того, чтобы аргументировать эти утверждения, необходимо понять, сталкиваемся ли мы с вызовами и проблемами такого масштаба, которые могли бы грозить благополучию или даже существованию всего человечества и потребовали бы для своего решения усилий планетарного масштаба, не ограниченного отдельными государствами и социокультурными общностями. И такие вызовы объективно есть. Во-первых, это антропогенная нагрузка на окружающую среду, продолжающая возрастать, несмотря на попытки решения экологических проблем на региональных и мировом уровнях. Во-вторых, это, безусловно, весь спектр социальных и интерсоциальных проблем, вызванных как разрывом устоявшихся социальных связей в отдельно взятых обществах на региональном уровне, так и конкуренцией за мировую экономическую и политическую гегемонию. Специфика всех этих вызовов в современную нам эпоху определяется ключевыми моментами, характерными именно для техногенной цивилизации: все большее число проблем как возникают, так и решаются в результате создания и применения технологических инноваций и связанных с ними инструментов социальной инженерии, а масштаб эндогенных кризисов начинает преобладать над экзогенными. Современная техногенная цивилизация, мощная и экспансивная, стремится распространиться на планетарном уровне, так что ее внешней средой, способной породить экзогенные кризисные воздействия, оказывается природа, а в перспективе и космос. Однако ее технический потенциал помогает справляться с такими кризисами все более успешно. Но при этом то же технологическое развитие, все ускоряясь, провоцирует социальные и интерсоциальные проблемы, имеющие эндогенный характер для техногенной цивилизации даже в случае

межгосударственного взаимодействия стран, входящих в этот цивилизационный тип. К примеру, галопирующее развитие технологий искусственного интеллекта при недостатке нормативного и этического контроля уже сейчас порождает во многих странах ряд социальных проблем, начиная от сфер образования и медицины и заканчивая вопросами общественной безопасности. Одной из положительных тенденций стало развитие таких направлений, как экологическая этика, биоэтика, нейроэтика – в их рамках происходит плодотворный поиск стратегий выхода из кризисов, порожденных влиянием технологий на человечество и природу.

Нарастание неопределенности во множестве отдельных сфер жизни индивида и общества, регулируемых существующими социальными институтами, грозит современной техногенной цивилизации и включенным в нее сообществам хаосом. Все это показывает несомненную актуальность поиска путей выхода из кризиса, в котором оказалась эта цивилизация, несмотря на свои впечатляющие технические достижения, а возможно, отчасти и благодаря им. И если причины кризиса – явно не в слабом развитии материальной культуры, то очевидно, что стоит обратить внимание на духовную, ценностно-нормативную составляющую, детерминирующую принятие решений, в том числе таких, которые усугубляют этот кризис. Таким образом, можно предположить, что разрешен он может быть в результате формирования нового типа мировоззрения, в большей мере адаптивного по отношению к вызовам, с которыми сталкивается современное человечество.

Причины кризиса техногенной цивилизации следует искать внутри нее самой, в специфически присущих ей способах развития. Пути выхода из подобного кризиса также оказываются связаны именно с преодолением ее фундаментальных внутренних противоречий. Масштабные цивилизационные кризисы могут быть порождены только такими факторами, которые обладают способностью перестраивать всю социокультурную систему целиком, разрывая одни устоявшиеся связи и создавая новые на всех уровнях. Для техногенной

цивилизации, как мы увидим далее, на эту роль может претендовать в первую очередь сам породивший ее научно-технический прогресс.

Осознание кризисных явлений в современной мировой социокультурной динамике происходит на всех возможных уровнях, и чем больше таких уровней набирается, тем сложнее становится задача критического осмысления и поиска причин происходящего. Во многом указанные затруднения вызваны самой природой кризисов как явлений, которые порождают защитную реакцию и стремление использовать уже опробованные ранее, хорошо известные решения, которые на деле или явились причиной кризиса, или просто не способны помочь, так как создавались для совершенно иных ситуаций.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью найти причины указанного кризиса и обозначить решения, которые смогли бы помочь выйти из него и снять те внутренние мировоззренческие противоречия техногенной цивилизации, которые становятся со временем все заметнее.

Степень разработанности темы исследования

Данный раздел построен таким образом, чтобы последовательно остановиться на ключевых понятиях, применяемых в диссертации. Выбор источников и исследовательских подходов, приведенных ниже, обусловлен тематикой и задачами данной работы.

Одним из ключевых для исследования является понятие кризиса. С развитием системного подхода в XX веке кризисы стали изучаться как явления или даже процессы, связанные со структурой и динамикой систем. Термин «кризис» получил очень широкое распространение с развитием культурологических и социально-философских исследований на рубеже XIX-XX веков и в первой половине XX столетия, когда резкие культурные изменения и драматичные исторические события вынудили таких авторов, как О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев и многие другие говорить о культурных, цивилизационных и экзистенциальных кризисах человечества. Среди современных авторов, рассматривавших исторический аспект кризисов, можно упомянуть Р. Козеллека, Т.Ю. Сидорину. Методологические аспекты кризиса

нашли отражение в работах В.Г. Буданова, эволюционистские – в трудах Н.И. Лапина, А.П. Назаретяна.

Не менее обширна литература по системным исследованиям, из которых мы сделаем акцент именно на тех, что были посвящены проблематике социальных систем и кризисов. Одним из первых авторов, рассмотревших кризисы как неотъемлемую часть динамики систем, был А.А. Богданов, преимущественно в работе «Тектология». Затем системная природа социальных и культурных кризисов рассматривалась такими направлениями исследований, как кибернетика второго и третьего порядков и конфликтология. Работы Н. Винера, У.Р. Эшби, Р.И. Акоффа, С. Бира, Л. фон Берталанфи, Л. Козера, Р. Дарендорфа оказали огромное влияние, в том числе и на разработку социокультурной проблематики. Среди советских и российских авторов, помимо названных ранее, необходимо отметить вклад П.К. Анохина, В.А. Лефевра, Г.П. Щедровицкого, А.П. Огурцова, В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, В.М. Розина, Д.А. Новикова, В.И. Аршинова, Д.В. Ковтуновой. На стыке социологии, философии и кибернетики возникло такое междисциплинарное направление, как социокибернетика, также ставящее своей целью изучение системных аспектов именно социальной сферы.

Также системный подход оказал заметное влияние на такие преимущественно гуманитарные направления, как структурализм и структурный функционализм, без обращения к которым едва ли возможно было бы представить рассмотрение социокультурной проблематики в данной работе. Мы опираемся как на классические работы В.Я. Проппа, К. Леви-Строса, Т. Парсонса, так и на те, которые уже тяготеют к постструктурализму (Р. Барт, У. Эко), а также создавались на стыке структурно-функционалистских и кибернетических подходов – здесь в особенности стоит упомянуть труды Н. Лумана и его концепцию аутопойезиса, которой мы также пользуемся в данной работе.

В том, что касается поиска фундаментальных системообразующих принципов для такой системы, как цивилизация вообще и техногенная в

частности, их мы исследуем как специфические мировоззренческие и одновременно культурные комплексы – ценностно-нормативные структуры, что заставляет обратиться к аксиологической проблематике. Среди классиков аксиологии необходимо упомянуть М. Шелера, М. Вебера, Н. Гартмана, Н.О. Лосского и др. Однако преобладавшие в классический период объективистские трактовки ценностей, несмотря на свою значимость, могли завести в методологический тупик, как показывают современные авторы, занимавшиеся сходной проблематикой, в частности, В.К. Шохин, А.А. Ивин. Поэтому из массива существующих уже на данный момент постклассических аксиологических подходов нами были выбраны именно субъективистские – и здесь отдельного упоминания стоят работы М.С. Кагана как одного из исследователей, применявших трактовку ценности как определенного отношения субъекта к объекту – что, в свою очередь, указывает на фундаментальный антропо- и социоцентрический характер этого направления современной аксиологии.

Также в фокусе нашего исследования неизбежно оказывается сама по себе субъектность, если она представляется основой для рассмотрения ценностной проблематики в данной работе. Для концептуализации понятия субъекта: индивидуального и коллективного – мы опираемся на работы А.Л. Журавлева, В.А. Петровского. Также отдельно изучается возможность и правомерность приписывания субъектности современным инновационным технологиям, создаваемым на основе искусственного интеллекта – и здесь среди тех, кто вплотную занимается подобной проблематикой, можно упомянуть А.Н. Райкова, С.А. Амплеби, И. Перко, М.Д. Даббера, М. Райана.

Что касается цивилизационных подходов, то их расцвет пришелся примерно на тот же период, что и появление множества классических аксиологических концепций – и к середине XX века, если даже не ранее, цивилизационный подход как таковой чаще всего подразумевал рассмотрение уникальной специфики локальных цивилизаций и из-за этого нередко противопоставлялся так называемым стадийным подходам. Из первых мы

обращаемся к трудам Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н.А. Бердяева, а среди вторых – к работам П.А. Сорокина, Д. Белла, М. Кастельса, В.С. Степина.

Работы В.С. Степина, а также Д. Белла, М. Кастельса, С. Бира позволяют нам оформить теоретико-методологический каркас для рассмотрения специфики техногенной цивилизации как особого типа цивилизационного развития.

При исследовании того, каким образом ценностно-нормативные комплексы становятся ядром и системообразующим принципом для техногенного типа цивилизации и входящих в нее культур, мы обращаемся одновременно к двум группам источников. Первая связана с тем, каким образом субъекты с разным набором собственных характеристик способны воплощать ценности в жизнь, а вторая – с иерархиями благ и добродетелей, служащих критериями ценностных отношений в различных культурах.

Первая группа источников рассматривает этические системы, доступные акторам с различными типами субъектности (индивидуальной, коллективной или псевдосубъектности). В нашем случае это будут преимущественно следующие направления в этике: консеквенциализм, деонтология, этика добродетели, с опорой на классиков, начиная с Аристотеля и И. Канта, а также на современных авторов, в частности, А. Макинтайра.

Что касается второй группы источников, то она представлена по преимуществу социологическими и культурологическими исследованиями, направленными на выявление конкретных благ или добродетелей (часто именуемых ценностями в нефилософских исследованиях), которые могут быть наиболее значимы для той или иной культуры, социальной общности или группы. В этой связи стоит упомянуть работы М. Рокича, Э.Т. Холла, Р. Инглхарта, Ш. Шварца, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарса, Р.Д. Льюиса.

Тем не менее, связь системного аспекта цивилизационного развития с ценностной проблематикой до сих пор остается недостаточно проясненной, что затрудняет понимание влияния ценностей на цивилизационные кризисы. Этот вопрос подробно рассматривается в данной работе, как будет показано далее.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования выступает современная техногенная цивилизация как тип цивилизационного развития, присущий подавляющему большинству современных обществ, несмотря на их уникальную культурную специфику.

Предметом исследования являются кризис техногенной цивилизации и пути выхода из него посредством формирования новых ценностных перспектив, общих для всего цивилизационного типа.

Цель и задачи исследования

Основная цель работы – сформулировать ценностно-мировоззренческие основания для выхода из кризиса, порожденного техногенной цивилизацией.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть цивилизацию как систему со специфическими характеристиками, детерминирующими, в том числе особенности возникновения, протекания и разрешения ее возможных кризисов;
- исследовать роль ценностей и ценностно-нормативных комплексов как системообразующих факторов цивилизационного развития;
- раскрыть специфику техногенной цивилизации как особого типа цивилизационного развития и ее ценностных оснований, определяющих основные особенности ее динамики как системы;
- выяснить причины кризиса техногенной цивилизации, его связь одновременно с технологическим развитием и ценностно-мировоззренческим состоянием социумов;
- выявить ценностные перспективы, которые могли бы разрешить противоречия, возникшие в рамках техногенной цивилизации и вызвавшие ее кризис.

Методология и методы диссертационного исследования

Выбор методов исследования обусловлен необходимостью проблематизации его основных составляющих: техногенной цивилизации, ее кризиса, ее ценностных перспектив, а также необходимостью поиска связи и

структурной сопряженности всего перечисленного. Все эти аспекты – сами по себе сложные теоретические конструкты, не данные напрямую в опыте, а зависящие в своем содержании от выбранной методологии и даже мировоззренческой позиции исследователя.

Для решения указанных задач в данной работе используются системные методы, в том числе кибернетические, генетический метод для рассмотрения ключевых понятий, междисциплинарные культурологические и социологические подходы, позволяющие связать ценностные суждения социальных субъектов с культурно-детерминированными представлениями о предпочитаемых благах и добродетелях. Для рассмотрения социальной динамики обществ, находящихся на техногенной этапе развития, применяется структурно-функциональный подход и его современные приложения. Этические суждения в их связи с ценностными рассматриваются с позиций консеквенциализма, деонтологии, этики добродетели.

Под техногенной цивилизацией понимается тип социокультурного развития, обладающий специфическими ценностными инвариантами, определяющими доминирующий способ существования большей части современных социумов. Общества с присущими им локальными культурами с разной скоростью вступают на путь научно-технического развития, но техногенная цивилизация неуклонно расширяет свое пространство, связывая планетарное сообщество. В данном случае используется предложенное В.С. Степиным стадияльное деление цивилизаций на традиционную и техногенную именно как типов, что существенно отлично от понятия локальных цивилизаций, которые могут выделяться по признакам территории или культуры.

В части соотношения культуры и цивилизации для данной работы техногенная цивилизация, таким образом, рассматривается в первую очередь в диахронном разрезе как тип развития, в который могут входить различные культуры, поняты как символические системы, определяющие воспроизводство материальной и духовной составляющих жизни любого социума.

Кризис (в том числе и кризис цивилизации) представляет собой такое изменение системообразующих характеристик вследствие внешних или внутренних воздействий, под влиянием которого система входит в состояние неустойчивости – и из последнего уже способна выйти в качественно новом состоянии, если только не будет разрушена полностью. Кризис рассматривается как системное явление (по А.А. Богданову и др.), соответственно цивилизация, в которой он возможен, сама должна представлять собой сложную систему, описание которой сделано в работе с применением методов аутопойезиса (по Н. Луману) и рекурсии (по С. Биру).

Ценности предстают для такой системы ее организующим, регулиующим и системообразующим принципом. Во-первых, именно в силу указанных выше свойств системы они являются принципами, благодаря которым эта система способна постоянно аутопойетически воспроизводить себя и рекурсивно повторять свои основополагающие структуры на всех уровнях; во-вторых, ценности как отношения, возникающие в результате деятельности субъектов, могут быть использованы при построении коммуникативных систем различной сложности, что исследуется через призму кибернетики первого, второго и третьего порядков.

Рассмотрение социально значимой, нормативно регулируемой деятельности субъектов диктует также исследование связи ценностных отношений, с одной стороны, с этическими вопросами, для чего мы обращаемся к таким концепциям, как консеквенциализм, деонтология, этика добродетели; с другой стороны, к уровням и критериям субъектности действующих акторов (по В.А. Петровскому, А.Л. Журавлеву), в зависимости от своих характеристик способных к построению коммуникации на тех или иных этических основаниях. Также отдельно изучаются понятия, перечни и иерархии благ и добродетелей, предпочитаемых в различных культурах (по Г. Хофстеде, Р. Инглхарту и др.), для того чтобы показать существующие на данный момент различия в ценностных отношениях коллективных субъектов и затем попытаться выявить такой перечень максим, который помог бы преодолеть противоречия между

подобными представлениями, во многом сложившимися еще в традиционном типе цивилизации, и теми, которые были привнесены техногенным типом цивилизационного развития.

Научная новизна

Научная новизна диссертационной работы обусловлена, во-первых, найденной в ходе исследования связью между системными и ценностными основаниями существующей техногенной цивилизации, во-вторых, зависимостью формирования ценностного и этического отношения к действительности от уровня субъектности акторов социального взаимодействия.

1. В ходе исследования было показано, что для техногенной цивилизации, как и любой другой, именно ценности являются системообразующим фактором, задающим специфику функционирования ее как системы. Связующим звеном между ценностным и системным аспектами техногенной цивилизации выступает субъект, через ценностное отношение формирующий и воспроизводящий системное взаимодействие.

2. Выявлено, что ценности также оказываются зависящими от уровня субъектности как возможности формировать отношение к сегментам реальности, которые конкретный субъект способен воспринимать и осознавать. Впервые формирование новых ценностных перспектив, способных разрешить кризис техногенной цивилизации, основывается на понятии субъекта и выводится из необходимости поддержания высокого уровня субъектности одновременно локальных социокультурных общностей (как коллективных субъектов) и отдельных личностей (как индивидуальных субъектов).

3. В диссертации на основе свойств субъектности сформулирована метасистема ценностей как содержательных максим, способная объединить и включить как подсистемы ценности техногенного и традиционного типов цивилизационного развития. Для обозначения основной ценностно-мировоззренческой максимы в рамках такой метасистемы в работе впервые вводится понятие полицентричной конвергентной субъектности.

4. Также впервые прослеживается связь различных типов субъектности (индивидуальный субъект, коллективный субъект, псевдосубъект) со способностью выносить ценностные суждения в соответствии с теми или иными этическими системами.

Положения, выносимые на защиту

1. Исходя из поставленной в диссертации цели: выяснения причин и возможностей разрешения кризиса техногенной цивилизации – в первую очередь было прояснено, что представляет собой указанное кризисное состояние. Любой кризис – это изменение системообразующих характеристик вследствие внешних или внутренних воздействий, благодаря которому система входит в состояние нестабильности – и из последнего уже способна выйти в качественно новом состоянии, если только не будет разрушена полностью. Таким образом, если мы говорим о кризисе техногенной цивилизации, то для того, чтобы располагать критериями его наличия или отсутствия, было выявлено, что для нее является системообразующими принципами, вследствие чего они могут подвергаться изменениям, каким именно и с какими последствиями.

2. Техногенная цивилизация представляет собой тип цивилизационного развития, которому, в отличие от традиционного, присуща опора на научно-технический прогресс как основную детерминанту своего развития, и в который с разной скоростью вступают существующие локальные социокультурные комплексы. Последние становятся элементами ее как системы, а системообразующим принципом на метауровне являются ценностные детерминанты научно-технического развития.

3. В ходе исследования было выявлено, что кризис техногенной цивилизации является по преимуществу ценностно-мировоззренческим. Его причины – системные несоответствия между ценностными основаниями различных социальных институтов в обществах, находящихся на техногенном этапе цивилизационного развития. Системообразующими ценностными детерминантами, присущими техногенной цивилизации, стали идеи прогресса, идеалы научной истины и новизны, достижимых путем рационального

исследования и преобразования реальности. Эти детерминанты способны регулировать развитие научно-технических и отчасти экономических институтов (в связи последних с доминирующими технологиями производства). В то же время остальные сферы жизни современных социумов, во-первых, не свободны от рудиментов мифологического мировоззрения, во-вторых, гораздо более инерционны в целом, так как их ценностная регуляция осуществляется с помощью представлений, восходящих по преимуществу к традиционной цивилизации. Несоответствие одновременно применяющихся ценностей техногенного и традиционного типов заставляет говорить о кризисе техногенной цивилизации в целом.

4. Для разрешения такого кризиса необходимо найти основания для снятия указанных ценностных противоречий, что подразумевает, в первую очередь, рассмотрение самого понятия ценности. Ценность в диссертации представлена как фундаментальная философская категория, делающая возможным отдельный класс операций – отнесение к ценности, в свою очередь, представляющее собой отношение между субъектом и объектом оценки. Таким образом, используется субъективистская, отчасти персоналистическая трактовка ценности, когда последняя понимается не как свойство, а как отношение. Для определения различий в получающемся результате этой операции необходимо сосредоточиться не на объекте, который мыслится как ценностно-нейтральный, а на субъекте, являющемся действующей силой и источником порождения ценностей, как и их единственным вместилищем. В отрыве от любых субъектов ценности вообще не смогли бы существовать как таковые, а запечатлеваясь в культуре коллективных субъектов, неминуемо превращаются в понятия о благах, добродетелях, нормах и т.д.

5. Субъект ценностного отношения представляет собой действующее начало по определению. В качестве основных характеристик субъекта выделены: целеустремленность, способность к рефлексии, свобода как возможность самостоятельного контроля своей активности, способность к развитию и совершенствованию, а также социальность. Степень развития этих

характеристик определяет уровень развития субъектности в целом. Субъекты могут быть индивидуальными (отдельно взятая человеческая личность, способная развить у себя высший уровень субъектности), коллективными (большая или малая группа людей, вплоть до всего социума в целом – и такие субъекты могут приблизиться по уровню развития к индивидуальным, только если существуют ради самих себя, а не выполняют служебные функции), псевдосубъектами (созданными человеком, в том числе на основе технологий искусственного интеллекта, сущностями, способными ограниченно демонстрировать только часть свойств субъектности).

Для определения роли указанных субъектов в формировании ценностей техногенной цивилизации используется представление о типах научной рациональности в их связи с развитием кибернетики. В зависимости от способности субъекта рассматривать тот или иной объект оценки: цели действия, средства достижения цели или себя, изменившегося в результате достижения цели определенными средствами – могут использоваться те или иные этические системы: консеквенциализм, деонтология, этика добродетели.

6. Конфликтующие или не связанные между собой ценности, порожденные традиционной и техногенной цивилизациями, не дают социальным субъектам (как индивидуальным, так и коллективным) ставить непротиворечивые цели. Ценностные противоречия приводят к тому, что субъект как бы распадается, свойства его субъектности исчезают, в особенности это касается целеполагания и целенаправленного осознанного развития. Также в техногенной цивилизации продолжается и даже усиливается имевшее место и ранее противопоставление индивидуальной и коллективной субъектности. При этом среда, в которой действуют данные субъекты, представляет собой изменчивое, постоянно усложняющееся и все менее предсказуемое множество других субъектов (как метасубъект).

7. При все более затрудненном контроле своей внешней среды субъекты оказываются перед необходимостью для повышения своего адаптивного потенциала совершенствовать себя, развивая свойства собственной

субъектности, позволяющей им строить ценностные системы и ставить цели, снимающие указанные ранее противоречия. При этом также очевидно, что развитие только индивидуальной или коллективной субъектности в ущерб другой невозможно в сколько-нибудь длительной перспективе. Следовательно, для разрешения этого кризиса необходимо одновременное и взаимозависимое повышение субъектности индивидов и социумов, что в работе обозначено термином «полицентричная конвергентная субъектность». Свойства субъектности должны стать содержательной основой для тех ценностных отношений, которые сформируют метасистему ценностей, способную включить в себя ценностные системы традиционного и техногенного цивилизационных типов.

8. Цивилизационный кризис – явление неизбежное, связанное с фундаментальными внутренними вызовами, коренящимися в специфике техногенной цивилизации. Различия между цивилизационными типами, такими как традиционный и техногенный, заключаются не только в способе производства и типе технологического развития, но и в ценностно-нормативной регуляции общественных отношений. Однако ни техногенная, ни традиционная цивилизации не предполагают полного развития субъектности, необходимой для того, чтобы максимально эффективно оперировать ценностями. Каждый тип цивилизации развивает только часть свойств субъектности: техногенный тип – свободу, рефлексивность и стремление к развитию, традиционный тип – целеустремленность и социальность. Следовательно, для решения ценностного кризиса необходимо развить все эти свойства и у всех социальных субъектов, и уже на этих свойствах основывать новые ценностные системы. В результате должно возникнуть состояние полицентричной конвергентной субъектности, при котором возможно будет разрешение ценностного кризиса. Соответственно, при условии масштабного изменения основополагающих ценностных ориентиров техногенной цивилизации, можно будет говорить о появлении нового цивилизационного типа. По отношению к предыдущему он может быть назван посттехногенным, но в случае его фокуса на развитии субъектности

человека и человечества в целом его также можно будет назвать гуманитарным типом цивилизации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования

Теоретическая значимость исследования определяется через обоснование необходимости и правомерности субъектного подхода в формировании новых ценностных перспектив, которые могли бы способствовать выходу из ценностного кризиса техногенной цивилизации; связь конкретного качественного наполнения представлений о благах и добродетелях как о критериях отнесения к ценности с уровнями субъектности; оформление оснований для методологии рассмотрения вопросов о разрешении ценностно-мировоззренческих кризисов техногенной цивилизации на уровне отдельных локальных социокультурных комплексов с их уникальными исторически обусловленными особенностями.

Практическая значимость исследования заключается в разработке методов обоснования ценностных подходов для искусственно созданных технологических псевдосубъектов, в частности, искусственного интеллекта, что становится все более актуальным в свете ускоряющегося прогресса в данной сфере и отражается в разработке существующих на данный момент кодексов этики в сфере искусственного интеллекта. Также результаты исследования могут быть использованы для разработки новой постнеклассической парадигмы образования, которая могла бы способствовать внедрению выявленных ценностных перспектив в социальную практику для повышения уровня субъектности всех задействованных акторов (кроме искусственно созданных) и выхода из ценностно-мировоззренческого кризиса.

Наконец, результаты диссертационного исследования могут использоваться также в подготовке учебных курсов для вузов и написания учебных пособий, посвященных исследованной проблематике.

Степень достоверности и апробация результатов работы

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается положительными экспертными заключениями, полученными в результате использования материалов исследования в работах по научному проекту РНФ (гранту) № 21-18-00184 «Социогуманитарные основания критериев оценки инноваций, использующих цифровые технологии и искусственный интеллект», где диссертант выступил исполнителем.

Работа была обсуждена 13 июня 2023 г. на заседании сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Основные положения диссертации нашли отражение в 1 монографии, 1 разделе в коллективной монографии, 36 научных публикациях, из которых 15 статей опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, из них 1 статья К1 и 11 статей К2.

Материалы исследования использовались в разработке учебных курсов «Философия», «Этика деловых отношений», «Деловые и научные коммуникации» для студентов РЭУ им. Г.В. Плеханова, «Цивилизационные проблемы социологии», «Ethics of international relations» для студентов НИЯУ МИФИ.

Основные положения диссертации были представлены на следующих научных конференциях и научно-практических мероприятиях: Международной научной конференции «Социальная антропология: интеграция наук» (Москва, 2017), Международном круглом столе «Актуальные проблемы контекстуального анализа ситуационно-регионального многообразия социального развития России в XXI веке» (Москва, 2017), International Conference «Communicative Strategies of Information Society» (Санкт-Петербург, 2019), Международной научной конференции «Российская идентичность: социокультурный контекст» (Москва, 2019), Восьмом Российском Философском Конгрессе «Философия в полицентричном мире» (Москва, 2020), Международной междисциплинарной

научной конференции «Двадцать четвертые Вавиловские чтения» (Йошкар-Ола, 2020), Международной научной конференции «Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества» (Москва, 2020), XVIII мировом конгрессе World Organisation of Systems and Cybernetics «Системный подход и кибернетика, устремленные в будущее человечества» (Москва, 2021), Международной междисциплинарной научной конференции «Двадцать пятые Вавиловские чтения» (Йошкар-Ола, 2021).

Структура диссертационного исследования.

Работа состоит из Введения, 5-ти глав, включающих 23 параграфа, Заключения и списка литературы, содержащего 466 наименований на русском и иностранном языках. Объем работы составляет 354 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность выбранной темы исследования, проводится анализ степени ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи, указаны объект и предмет исследования, раскрыты его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология. Также приведены основные положения, выносимые на защиту, обоснована достоверность результатов диссертационного исследования, указано, как проходила апробация работы.

Глава 1. «Приложения системного подхода как теоретико-методологическая основа диссертационного исследования» выделяет основные понятия и методологические концепции, которые сущностно важны для построения целостной исследовательской стратегии работы.

§ 1. «Системный подход в моделировании социальных и культурных процессов». основополагающую роль методологической основы выполняет системный подход, особенности использования которого заставляют рассматривать его, в первую очередь, как метатеорию, в рамках которой

применяются отдельно взятые методы кибернетики, структурного функционализма, субъектно-ориентированный подход. Что касается определения системы, то одно из наиболее удачных можно встретить у В.Н. Садовского¹. Для целей нашего исследования необходимо также отметить, что уже после работ Садовского системный подход, развиваясь, дополнился субъектными подходами, критически важными в данной работе.

Цивилизация вообще и техногенная в частности для целей данного исследования сама по себе представлена как социокультурная система. Ее системообразующими принципами являются те, что могли бы применяться во всех ее сферах (в том числе, социальных институтах) независимо от их частных особенностей. Далее обосновано, что такими принципами способны выступать ее ценностно-мировоззренческие основания, детерминирующие способы принятия решений как создания и поддержания связей как внутри системы, так и внешних, возникающих при взаимодействии со средой. Для техногенной цивилизации ценностные отношения, определяющие вектор научно-технического прогресса, способны вступать в противоречие с теми, которые лежат в основе деятельности остальных социальных институтов, связанных с первичной и вторичной социализацией (семейной и образовательной, в частности), с функционированием рынка труда, обеспечением общественной безопасности и многим другим.

§ 2. «Кибернетика в социокультурных исследованиях» продолжает затронутую в предыдущем параграфе тематику, рассматривая ключевые особенности используемых в диссертации системных методов, в особенности кибернетики второго и третьего порядков. Мы используем приложения кибернетики к нашему предмету, исходя из ее связи с типами научной рациональности, выявленными В.С. Степиным: классической, неклассической и постнеклассической, что позволило систематизировать на макроуровне эволюцию кибернетики как области научного знания. Классическая научная рациональность определила развитие кибернетики первого порядка,

¹ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М.: Наука, 1974. С. 98.

неклассическая – кибернетики второго порядка, постнеклассическая – кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных сред. В кибернетике третьего порядка предлагается субъектно-ориентированный подход для замены деятельностного (кибернетика первого порядка) и субъектно-деятельностного (кибернетика второго порядка) подходов. Именно субъектно-ориентированный подход в данной работе является ключевым в аспекте рассмотрения связи происходящих в техногенной цивилизации системных процессов (таких, как ее кризис) и ее же ценностных оснований и перспектив. Поэтому в следующей главе диссертации понятиям субъекта и субъектности будет уделено особое внимание именно в связи с вопросами формирования ценностных отношений. Важным аргументом в пользу субъектно-ориентированного подхода является концентрация внимания в постнеклассической научной рациональности на субъектах и их отношениях с обществом и культурой как большими системами, а не просто инструментальный подход субъекта к объекту или даже коммуникация нескольких субъектов. Достижения техногенной цивилизации постоянно увеличивают объем доступных субъекту социальных коммуникаций и повышают их сложность, при этом уменьшая предсказуемость и управляемость. С точки зрения указанного подхода субъект оказывается в фокусе внимания как актер, способный структурировать эти связи через формирование ценностей как начал, детерминирующих коммуникацию.

§ 3. «Культура как самовоспроизводящаяся динамическая система» акцентирует внимание на системных подходах в сфере изучения социумов, в частности, у Н. Лумана, так как его концепция аутопойезиса также используется в диссертации. Исследования Лумана стали одной из наиболее последовательных попыток применения системного подхода для изучения динамически развивающегося социума. Он же детально проанализировал методологические основания возможности подобного подхода, поэтому обращение к его работам здесь будет более чем уместно. Использование данного

подхода в дальнейшем позволит нам сделать акцент на отдельном классе подобных системообразующих операций – а именно, на отнесении к ценности.

Если пользоваться методами, разработанными Н. Луманом, а также кибернетиками, в частности, С. Биром, то можно проследить, каким образом формы ценностных отношений, принятые в том или ином отдельно взятом обществе, одновременно аутопойетически и рекурсивно воспроизводятся на всех уровнях социального взаимодействия. Если, например, сравнить отношение к прогрессу в традиционном и техногенном типах цивилизации, то очевидно, что в первом из них прогрессу могло вообще не уделяться внимания, и на всех уровнях, начиная от бытового межличностного взаимодействия и заканчивая формами передачи верховной власти – везде доминировал не столько поиск более эффективных форм взаимодействия, сколько воспроизведение освященных временем и традицией образцов. При этом такой тип цивилизации был чрезвычайно устойчив в том числе из-за своей мировоззренческой цельности и телеологической непротиворечивости. Потеря этой цельности из-за выборочного и лишнего телеологической составляющей внедрения идеи прогресса в техногенной цивилизации, как мы увидим далее, стала одной из причин ее текущего кризисного состояния.

§ 4. «Выводы из Главы 1» кратко подводит итоги данной главы и суммирует ее основные положения.

Глава 2. «Ценности как системообразующая основа культуры и цивилизации» посвящена исследованию содержания и эволюции понятий ценности и ценностного отношения, а также роли субъекта в формировании ценностей.

§ 1. «Формирование понятия ценности. Ценностное отношение» посвящен как содержательному, так и историческому аспектам указанных понятий. Прежде чем рассматривать место и роль ценностей в цивилизационной системе, необходимо, безусловно, прояснить, что в данном случае под ними следует понимать. В работе указывается, что любое отождествление ценности с содержательными представлениями о неких благах или добродетелях неминуемо

ведет к кругу в определении, поэтому мы настаиваем на субъективистской трактовке ценностей как специфического отношения субъекта оценки к ее объекту, так как без операции оценивания ценность не могла бы возникнуть. Для осуществления этой операции субъект оценки должен осознавать свое неотъемлемое и исключительное право на нее. Аксиологический дискурс по определению оказывается, таким образом, чрезвычайно антропо- и социоцентричен. Для того, чтобы иметь возможность рассуждать о ценности чего бы то ни было, уже заранее необходимо предположить, что обсуждаемый предмет может или обладать, или не обладать этой ценностью. То есть парадоксальным образом получается, что для рассмотрения ценности каких-либо явлений мира внешнего или внутреннего необходимо для начала иметь убеждение (часто имплицитное), что они могут быть ценностно-нейтральными – чего, по большей части, очень долго не наблюдалось даже в философии, не говоря уже о массовом сознании. Как справедливо отмечает М.С. Каган, древние общества существовали в той реальности, где не только рефлексия по поводу ценностей, но даже само их понятие еще не существовало и не могло возникнуть, поскольку реальность эта была мифологической. Одна из фундаментальных особенностей мифа в том, что он не только синкретичен, но и не подразумевает деления на действительность «саму по себе» и представление о ней. В традиционном типе цивилизации формирование ценностного отношения осуществлялось и поддерживалось исходя из доминировавшего мифологического мировоззрения, в то время как техногенная цивилизация, основанная на максимах научного мировоззрения, вовсе не добилась полной элиминации мифологического, что создало серьезные предпосылки для ценностных противоречий.

§ 2. «Понятие и особенности субъекта ценностного отношения». С опорой на В.А. Лекторского, В.А. Петровского, В.Е. Лепского выделим основные характеристики субъекта: целеустремленность, способность к рефлексии, свобода, самостоятельное развитие и совершенствование, социальность. Далее мы рассматриваем такие типы субъектности, как индивидуальная, коллективная,

а также псевдосубъектность, при этом связывая их напрямую с возможностью формировать ценностные отношения.

Ценности – ядро коммуникативной системы, они определяют и формы, и диапазон возможных целей субъектов коммуникации, действующих в определенном контексте/среде, следовательно, чем больше возможностей создавать ценностные отношения, тем в более широком и разнообразном контексте может действовать субъект. Индивидуальный субъект-человек по определению способен быть для себя и другого основной и последней целью, поэтому может обладать максимальной степенью таких качеств, как свобода, способность к самостоятельному целеполаганию и развитию – следовательно, наиболее развитой субъектностью и, соответственно, способностью формировать ценностные отношения.

Что касается коллективного субъекта, то он может быть представлен группами, социальными общностями, в том числе, даже всем социумом как носителем определенной территориальной культуры, вступившим в тот или иной тип цивилизационного развития. Вслед за А.Л. Журавлевым мы используем принцип изоморфизма индивидуального и коллективного субъектов. Тем не менее, не все коллективные субъекты имеют в себе, а не вовне цель своего существования, поэтому некоторые из них не наделены максимально развитой субъектностью (например, все так называемые вторичные группы: организации и т.д.) и, соответственно, их способность к построению ценностных отношений может быть ограничена.

Также отдельно рассматривается феномен так называемых псевдосубъектов как искусственно созданных акторов, в частности, на основе искусственного интеллекта, которые способны действовать автономно и демонстрировать некоторую (пока небольшую) часть характеристик субъектности. Очевидно, что такие псевдосубъекты не могут и, вероятно, никогда не смогут иметь в себе цель своего существования, поэтому их субъектность и способность к построению ценностных отношений принципиально ограничены. Для техногенной цивилизации характерно, что и

индивидуальные, и коллективные субъекты могут встречаться с серьезными противоречиями при формировании ценностных отношений в случаях, когда стремление к техническому прогрессу и связанная с этим конкуренция противостоят запросам на сохранение устойчивых социальных связей. Эти же противоречия сказываются на дискуссиях о том, как должны выносить оценки своих и чужих действий искусственные псевдосубъекты. Одним из многочисленных примеров, объединяющих ценностные проблемы всех упомянутых субъектов, может быть замена ряда профессий технологиями на основе искусственного интеллекта и связанный с этим комплекс экономических, правовых и этических проблем, как прогнозируемых, так и уже наблюдаемых. Что касается индивидуальных и коллективных субъектов, то для них ценностные противоречия будут лежать не только в технологической и экономической плоскостях, но и в сфере социально-гуманитарной валидации результатов прогресса: начиная от этических и правовых оценок созданных искусственным интеллектом продуктов и заканчивая решением проблемы атомизации общества в ситуации, если такие технологии начнут все более эффективно имитировать или даже заменять сугубо человеческие формы коммуникации. Коммуникация с субъектом-человеком сложна и непредсказуема, и вероятно, найдется немало желающих дополнить, а то и заменить ее «общением» с послушным и безотказным роботом. В случае же самих технологий искусственного интеллекта постулирование ответственности людей за его действия показывает, что и противоположное допустимо, коль скоро нуждается в эксплицированном отрицании.

§ 3. «Субъектно-ориентированный подход к ценностному отношению через призму этических детерминант». Соотношение ценностей как продукта деятельности субъекта с нормами, внешними по отношению к субъекту и наличествующими до операций оценки, рассматривается через призму существующих этических подходов, каждый из которых по-своему определяет роль субъекта и ведущий объект его оценки. Критерии оценки напрямую зависят как от культурных факторов, так и от соответствия действия заявленной цели,

которая в различных этических системах может существенно варьироваться. Как мы видели ранее, способность ставить цели напрямую зависит от того, насколько развита субъектность действующих акторов. Также мы акцентируем внимание преимущественно на формировании ценностных отношений в техногенную эпоху, поэтому исследуем различия в этих отношениях на примерах взаимодействия человека как субъекта с созданными им техническими средствами. При взаимодействии вида «субъект-объект» субъект использует технологию для достижения простой, четко поставленной цели. Здесь может применяться кибернетика первого порядка – субъект инструментально работает с технологией, оценивает ее с точки зрения прикладной эффективности. Такому подходу с точки зрения этики в наибольшей степени соответствует консеквенциализм. При взаимодействии вида «субъект-субъект» субъект использует технологию для коммуникации с другими равнозначными субъектами, учитывает участие их в общем процессе взаимодействия с технологией, может оценивать влияние, оказываемое на них как технологией, так и формами взаимодействия. Технология оценивается субъектом не только с точки зрения достижения поставленной краткосрочной инструментальной цели, но и с точки зрения ее влияния на построение дополнительных системных (как правило, социальных) взаимосвязей и/или сохранение существующих. С точки зрения этики это в большей степени соответствует деонтологическим подходам, оценивающим не только цели, но и средства их достижения. При взаимодействии вида «субъект-метасубъект» субъект использует технологию для коммуникации с потенциально неограниченным количеством других разнопорядковых субъектов (индивидов, групп, организаций и др.), возможно, даже в планетарном масштабе. Технология может на данном этапе не только использоваться как средство, но и выступать от имени реального, но не всегда известного субъекта, имитируя определенные аспекты его активности. С точки зрения этики здесь может быть использован такой подход, как этика добродетели, делающая акцент в первую очередь на желаемых свойствах и качествах самого субъекта, которые позволят ему наилучшим образом выбирать цели и средства и ситуациях повышенной

сложности и неопределенности. С точки зрения кибернетики третьего порядка формируется максимально всеобъемлющая, сложная и постоянно меняющаяся система взаимосвязей. В ней как подсистемы низшего порядка представлены две ранее рассмотренные, которые она включает в себя.

Каждому виду субъектов соответствует свой уровень как ценностного, так и этического отношения, состоящий в прямой зависимости от того, предстает ли субъект предельной реальностью или зависит в своем существовании от другого субъекта. При субъектно-ориентированном подходе к ценностям как осуществлению субъектом ценностного отношения этические концепции могут объяснить, каким образом это отношение может возникать в зависимости от возможностей и запросов конкретного типа субъектов, а не только от культурно обусловленного содержания представлений о благах и добродетелях и о вариантах их иерархии. Индивидуальному субъекту доступны все указанные виды этических отношений, коллективному – преимущественно деонтологический и консеквенциалистский подходы, псевдосубъекту – только консеквенциалистский.

§ 4. «Выводы из Главы 2» подводит итоги данного раздела и суммирует его основные положения.

Глава 3. «Специфика техногенной цивилизации как развивающейся системы» исследует факторы развития, характерные именно для данного цивилизационного типа и послужившие как основанием его возникновения, так и причиной текущего кризиса.

§ 1. «Соотношение понятий “цивилизация” и “культура”. Особенности цивилизационных подходов». В данном параграфе подробно описаны отличия восходящей к В.С. Степину трактовки цивилизации как типа социокультурного развития от более привычного понимания цивилизации или как формы, или же как этапа развития культуры. Показано, что изначально использование понятия цивилизации основывалось на целостном стадийном понимании исторического процесса, но уже в конце XIX-начале XX вв. появляется множество вариаций цивилизационного подхода, практически полностью

порывающих со стадиальностью. Среди них можно упомянуть подходы, принадлежащие Данилевскому, Тойнби, Шпенглеру, Бердяеву. Для некоторых из этих мыслителей (например, Данилевского, Тойнби) понятие цивилизации во многом сближается с культурой. В то же время для других авторов (Шпенглера, Бердяева) цивилизация может противопоставляться культуре как завершающий этап жизненного цикла отдельно взятых социумов. Эти и многие менее известные примеры цивилизационных подходов демонстрируют, если можно так сказать, «синхронную» трактовку цивилизаций как наиболее масштабных локальных социокультурных образований – в противовес применявшейся ранее «диахронной» стадиальной трактовке развития социумов и их культур, которую можно найти у О. Конта, в марксизме, у П. Сорокина. Объединить оба эти прочтения для объяснения современных цивилизационных процессов и тенденций попытался В.С. Степин, выдвинувший собственную концепцию техногенной цивилизации, которой мы пользуемся в данной работе. Он рассматривает цивилизацию как тип одновременно социального и культурного развития, поэтому противопоставляет не цивилизацию и культуру, а традиционную и техногенную цивилизации как типы такого развития, основанные на различных ценностно-мировоззренческих основаниях. Для техногенной цивилизации, основы которой были заложены в эпоху Нового времени, ценны инновации, прогресс, научная рациональность, преобразующая деятельность субъекта. Для неизмеримо более старой традиционной цивилизации, наоборот, наиболее важна стабильность миропорядка в целом, к которому причисляется и порядок социальный, а совершенствовать субъектам предлагается скорее себя, чем собственную среду. В рамках техногенной цивилизации субъекты обретают свою идентичность преимущественно через деятельность, в то время как в традиционной цивилизации происходит скорее наоборот, когда деятельность субъектов детерминируется их идентичностью, часто врожденной и связанной с их культурной принадлежностью, местом проживания, положением в социальной иерархии. Если техногенная цивилизация

опирается на научное мировоззрение, то традиционная в силу древности своего происхождения изначально основывалась на мифологическом.

§ 2. «Особенности ценностно-детерминированной динамики техногенного типа цивилизационного развития». Если рассматривать цивилизацию как социальную суперсистему, то она должна обладать как минимум двумя взаимно обусловленными свойствами – а именно, быть аутопойетической и рекурсивной. То есть должны постоянно самовоспроизводиться ее структуры, с одной стороны, и каждая часть системы должна воспроизводить те же основные структуры, что и вся система в целом. Однако мы видели, что техногенная цивилизация на самом деле неоднородна и даже если доминирует, то неизбежно включает в себя элементы предыдущего цивилизационного типа, и в ней существует более одного варианта воспроизводства структур. Когда же разрыв между быстрым научно-техническим прогрессом и гораздо более медленным изменением остальных социальных подсистем становится критическим, то в обществе из-за возросших несоответствий возникают кризисные состояния, в ходе которых все подсистемы экстренно «подтягиваются» к научно-технической, вырабатывая или видоизменяя ценностные комплексы для того, чтобы «приспособиться» к изменившимся условиям. Здесь в рассмотрении взаимосвязи между социальными подсистемами мы применяем структурно-функциональный подход и его производные. Техногенная цивилизация экспансивна, она стремится распространиться на все регионы, стать по-настоящему планетарной – из-за чего для нее вообще постепенно исчезает понятие внешнего воздействия. Все конфликты техногенной цивилизации становятся внутренними, равно как и большая часть причин ее кризисов. И вот здесь мы видим еще одно разительное ее отличие – при всех своих достижениях она гораздо менее стабильна, чем цивилизации прошлого, и, к сожалению, имеет гораздо больше возможностей разрушить самое себя изнутри.

§ 3. «Информационное общество как продукт техногенной цивилизации». Изменение доминирующих социальных габитусов происходит

под воздействием активного технологического прогресса второй половины XX-начала XXI веков и, в особенности, массового внедрения цифровых технологий в повседневную практику. Затронутыми информатизацией оказались и экономическая сфера, и управленческая, и область социально-культурных взаимодействий (в частности, общения, обмена информацией, производства ее в огромных масштабах), и – что самое, может быть, неожиданное – даже понимание человеческого как деятельности, способностей, восприятия, мышления. Все это заставляет нас считать, что, несмотря на необходимость дальнейших уточнений, мы можем с достаточной долей уверенности говорить о том, что все-таки живем в том обществе, которое стоит называть действительно информационным. М. Кастельс в своих трудах именуется его информациональным типом развития, который, несмотря на новые технологии, продолжает использовать нормативные и управленческие механизмы предшествующих эпох, часто ему не соответствующие. По Степину этот тип должен характеризоваться переходом к постнеклассической научной рациональности, способной работать со сложными, саморазвивающимися полисубъектными средами, формирующими метасубъект, взаимодействие с которым может быть описано кибернетикой третьего порядка (по Лепскому). Однако современная техногенная цивилизация с этим переходом, очевидно, не справляется, а для возникновения нового цивилизационного типа (гуманитарной, посттехногенной цивилизации) в дополнение к технологическому развитию необходимо также появление комплементарных ему форм ценностной регуляции.

§ 4. «Массовый дискурс в техногенной цивилизации – рождение новых социальных мифов как ценностно-мировоззренческая проблема». Попытки современных социумов стихийно приспособиться к технологическим инновациям без новых ценностных ориентиров вызывают к жизни стремление использовать рудименты представлений, восходящих к мифологическому сознанию. Рожденные в результате этого социальные мифы увеличивают нестабильность техногенной цивилизации, так как содержащиеся в них ценностные отношения подразумевают нерелексивные способы принятия

решений. В результате возникают такие нежелательные феномены, как, например, многочисленные теории заговоров корпораций, непроверенные слухи о способах лечения заболеваний, страхи, связанные с тем, что искусственный интеллект станет враждебен людям и т.д. Все это механизмы стихийной адаптации к инновациям в условиях, когда количество поступающей информации о них огромно, а возможности их понимания на профессиональном уровне доступны меньшинству.

Все эти эффекты, связанные с рудиментами мифологического сознания в повседневных практиках, с успехом используются в так называемой социальной инженерии. Под последней мы понимаем не только злонамеренные действия с целью обмана, чему противостоят специалисты в сфере информационной безопасности. В широком смысле можно сказать, что многие вполне легальные технологии, например, в сфере рекламы и маркетинга также используют те необоснованные убеждения, надежды, принятые на веру идеи, что открывают пути для манипуляции, делают социальных субъектов управляемыми.

Социальный миф в работе понимается двояко: во-первых, как нарратив, подчиненный основным принципам построения сюжета, свойственным как классическому мифу о культурных героях, так и несколько более поздней волшебной сказке; во-вторых, мы также рассматриваем миф как специфический знак языка второго порядка, используемый в современной культуре для создания разного рода медийных сообщений, в том числе маркетинговых и рекламных. В первом случае используется методологический подход с опорой на труды В. Проппа, Е.М. Мелетинского, К. Леви-Строса, во втором – Р. Барта, У. Эко. Смысл и назначение социального мифа – попытаться связать некое действие или предмет с ценностью социальной группы и вписать в легитимные социальные практики или исключить из них. Таким образом культура как система стремится обеспечить собственную стабильность, хотя именно в условиях техногенной цивилизации, как мы видели, этот механизм способен давать сбой.

§ 5. «Выводы из Главы 3» подводит итоги и в сжатом виде суммирует основные положения главы.

Глава 4. «Кризис техногенной цивилизации» посвящена системным особенностям данного кризисного состояния и роли прогресса технологий как фактора, порождающего кризис.

В § 1. «**Возникновение и эволюция понятия кризиса**» ставится проблема сущности и содержания данного понятия как одного из центральных для диссертации. Преобладающие сейчас трактовки термина «кризис» включают в себя широкий спектр концепций, рассматривающих кризисы как некие фазы различных циклов – будь то «исторические водоразделы» (у Р. Козеллека), динамика подъемов и спадов в экономике или даже смена культурных типов (например, у П. Сорокина). Эти подходы увязывают кризис и развитие, кризис и прогресс (или же, наоборот, регресс), найдя кризису определенное «место» в развивающихся системах, и сделав его, в свою очередь, структурным и системным понятием. Кризис в диссертации, таким образом, понимается как состояние нестабильности системы, возникающее в результате внешних или внутренних воздействий на нее и затрагивающее ее основные системообразующие характеристики. Кризис оказывается напрямую связан с адаптивными возможностями системы, которые могут оказаться недостаточными при возникновении новых вызовов. Как мы уже видели, для техногенной цивилизации это преимущественно внутренние вызовы, связанные с ее неспособностью сформировать ценностные регуляторы, которые могли бы снять накопившиеся противоречия между ее собственными ценностями и теми, которые достались в наследство от цивилизации традиционного типа. Техногенная цивилизация, ставящая во главу угла преобразовательную активность человека или группы, наделяет их идентичностью именно через целенаправленную деятельность, не особенно заботясь о том, что для деятельности любого живого человека некая базовая идентичность необходима как условие. «Идеальным» субъектом для этой цивилизации был бы как раз созданный ею искусственный интеллект. В то же время традиционная цивилизация сначала определяет рамки идентичности через присущие ей механизмы социализации, а затем в этих рамках позволяет достичь строго

ограниченной ими субъектности. Здесь «идеальный» субъект – представитель кастового или сословного общества. Когда две указанные картины, пусть и не в виде крайностей, оказываются сосуществующими в мировоззрении одного и того же субъекта, ценностный кризис, очевидно, неизбежен.

§ 2. «Системная природа культурных и цивилизационных кризисов»

разворачивает далее основополагающую для исследования тему кризисов как явления, возможного только в определенной системе. Системная природа кризиса потребовала длительного периода концептуализации, который во многом продолжается и до сих пор. Проблематизация кризисов, освобожденная от личных оценок и прочих внешних и во многом излишних наслоений стала возможна относительно недавно – в начале XX века с зарождением системных подходов. Богданов, настаивая на создании «всеобщей организационной науки», вероятно, одним из первых напрямую связывает кризисы с совершающимся на постоянной основе функционированием систем, не придавая первым эсхатологического, этического или какого-то еще внесистемного статуса. Фактором дезорганизации системы, который в перспективе способен привести к ее кризису, Богданов полагает наличие в ней не одного, а двух или нескольких системообразующих центров, функции которых могут пересекаться или совпадать, тем самым вызывая соперничество и конфликты. При рассмотрении особенностей техногенной цивилизации мы видели, как подобного рода ценностные противоречия способны создавать конфликтующие представления и цели. Однако при достаточно хорошей изученности, например, экономических и политических кризисов те кризисные явления в социуме, которые имеют ценностные основания, гораздо сложнее поддаются исследованию в силу как трудности работы с эмпирическим материалом, так и построения теоретических обоснований, которые могут подменяться, к примеру, попытками нравственного осуждения общества потребления или страхами по поводу возможной деградации человечества в результате постоянной опоры на технологии. Поэтому в работе постулируется относительность любого кризиса – как зависимость от того, какие организационные комплексы выступают предметом исследования, а

также универсальность кризисов для любой системы, которая видоизменяется во времени.

§ 3. «Ценностное отношение к технике в диахронном измерении» делает основной акцент на техническом развитии и его влиянии на цивилизационную динамику, когда совершенствование техники оказывалось напрямую связано с изменением отношения к ней и ее восприятия – от инструмента до действующего актора. Рекурсивное самовоспроизводство социальных систем всегда сосуществует и находится в диалектической взаимосвязи с их изменчивостью, будь то прогресс, стагнация или кризис. Появление внутренних проблем системы, которые могут стать предвестниками ее кризиса, возможно не только из-за сбоев в рекурсии, но также по другим причинам, многие из которых были упомянуты уже Богдановым – например, чрезмерная специализация и переусложнение системы, которые снижают ее адаптивный потенциал. Или причины, на которые обращали внимание другие, более поздние авторы, в частности А.П. Назаретян, который подчеркивал необходимость адаптации социальных систем к новым технологическим решениям, созданным ими же самими. Что касается роли технологического прогресса в цивилизационной динамике, то можно констатировать, что несмотря на то, что его влияние присутствовало, безусловно, во все исторические периоды, специального рассмотрения оно удостоилось только в XX веке. И если как минимум до середины XX века технологии воспринимались в сугубо утилитарном, объектном измерении, то во второй его половине начинают появляться подходы, исследующие технологию как опосредующую и даже направляющую векторы субъект-субъектных взаимодействий, а начало XXI века знаменуется представлениями о технологии как одном из возможных, в перспективе даже практически равноправных субъектов коммуникации. В последнем случае для исследования таких процессов мы обращаемся к методам кибернетики третьего порядка, где через включение технологии в поле субъектов она может быть вписана и в пространство ценностного измерения культуры и цивилизации. Здесь имеется в виду не только то, что, например, искусственный

интеллект как псевдосубъект способен демонстрировать ограниченные формы ценностного и этического отношения, как было показано ранее. Также важен и другой аспект: если в случае сложного метасубъекта мы не всегда знаем, коммуницируем ли с человеком или с технологией, то поневоле начинаем относиться к ней не только как к объекту, но и как к возможному субъекту, вписывая саму подобную коммуникацию и всех ее участников, включая себя, в единый ценностно-нормативный контекст. Без подобной операции невозможно было бы всерьез рассматривать дискуссионные на данный момент вопросы этики искусственного интеллекта, как не рассматриваем мы вопросы этики молотка или микроскопа.

§ 4. «Проблема соотношения динамики развития технологий и нормативных изменений социумов». Можно констатировать различную природу и влияние на культуры и социумы экзогенных и эндогенных кризисов. Под первыми понимаются внешние влияния, которым может подвергаться то или иное общество, не всегда способное их заранее предугадать, например, природные катаклизмы. В этом случае техническое развитие конкретной социокультурной общности, безусловно, повышает ее шансы пережить такой кризис, и если это получится, научиться более эффективно реагировать на подобные явления. При этом такой социум должен иметь также достаточно развитые формы нормативной (как законодательной, так и этической) социальной регуляции, чтобы достаточно быстро и с нужными результатами направлять свою техническую мощь на борьбу с экзогенными кризисами. Это замечание о необходимости достаточного регуляторного потенциала подводит нас к рассмотрению сущности кризисов второго типа – эндогенных, при условии и в результате успешного преодоления которых такие механизмы только и могут появиться. К таким кризисам относятся, например, всякого рода внутренние для социума конфликты, вызванные любого рода дисбалансами, не только экономическими или политическими, но и ценностно-нормативными. Для последнего, наиболее интересного нам случая обычно верно то, что чем сложнее становятся человеческие общества, чем быстрее происходит их технологический

прогресс, тем больше становится эндогенных факторов, которые воздействуют на систему изнутри и, накапливаясь, приводят ее к кризису. Основная проблема здесь заключается не столько в прогрессе как таковом, сколько в его неравномерности, когда изменения происходят в одной или нескольких смежных областях, в то время как остальные сферы жизни социума изменяются существенно медленнее или вообще не обладают такой способностью. Эти процессы хорошо иллюстрируются концепцией культурного лага, а также нарушения техно-гуманитарного баланса. С системной точки зрения ценностно-нормативные комплексы являются своего рода «управляющим контуром» и одновременно системообразующим фактором культуры, обеспечивая ее сохранность и аутопойетическое воспроизведение. Если эти части культуры резко меняются или разрушаются, с ними может разрушиться и вся социокультурная система, так как она, таким образом, способна утратить свою субъектность. Достаточное количество таких примеров дали различные аборигенные культуры, которые серьезно видоизменялись, или даже сама их идентичность оказывалась под угрозой при резком соприкосновении с плодами научно-технического прогресса, не комплементарного их собственным мировоззренческим установкам и ценностно-нормативным системам. Однако было бы ошибкой считать, что другие культуры полностью иммунны к подобным процессам.

§ 5. «Выводы из Главы 4» суммирует основные положения данного раздела.

Глава 5. «Новые ценностные перспективы как основание для выхода из мировоззренческого кризиса техногенной цивилизации» связывает возможность возникновения метасистемы ценностей, способной снять ценностно-мировоззренческие противоречия техногенной цивилизации, с необходимостью повышения субъектности всех ее акторов.

§ 1. «Полицентричная конвергентная субъектность».

Ценностный кризис техногенной цивилизации, как мы увидели, оказывается связан с ослаблением субъектности и, следовательно, способности к

целеполаганию. Он может быть разрешен, если социальные акторы на всех уровнях повысят собственную субъектность, которая для них является важнейшим адаптивным механизмом.

При этом ни одна социальная система (любой субъект) не может повысить свою субъектность за счет уменьшения ее у остальных, даже если будет к подобному стремиться. Последний вариант – тупиковый, так как если система с высокой субъектностью будет понижать ее у окружающих, то ее субъектность тоже постепенно понизится за ненадобностью развития. Чем более тесны связи между отдельными субъектами, тем больше их уровни субъектности влияют друг на друга как сообщающиеся сосуды. Ослабление или уничтожение одного отрицательно скажется и на остальных, в то время как усиление одного в длительной перспективе возможно только при усилении остальных. Подобное было описано еще в рамках кибернетики второго порядка, так как напрямую следует из закона Эшби. В кибернетике третьего порядка появляются дополнительные инструменты, позволяющие развить эти идеи с использованием понятия полисубъектной среды.

Для разрешения ценностного кризиса, связанного с утратой субъектности, когда восстановление последней невозможно только у какого-то одного или немногих акторов, ее развитие должно происходить у них всех одновременно и взаимозависимо.

В данной работе для обозначения этого желаемого феномена специально вводится термин *«полицентричная конвергентная субъектность»*: такая, в которой множество взаимосвязанных субъектов как «центров» осознают неизбежность конвергенции собственного развития. Как и в случае повышения субъектности – это непростой и не полностью предопределенный процесс. Если механизм роста субъектности – это развитие ее свойств для успешной адаптации системы к меняющимся воздействиям, то в случае полицентричной конвергентной субъектности – это взаимосвязанное и взаимозависимое развитие субъектности всех социальных акторов. В целом последнее должно привести к

росту субъектности человечества, столкнувшегося с кризисными явлениями техногенной цивилизации и стремящегося их преодолеть.

Свойства субъектности должны стать содержательной основой для тех ценностных отношений, которые сформируют метасистему ценностей, способную включить в себя ценностные системы традиционного и техногенного цивилизационных типов – так как каждая из этих ценностных систем изначально нацелена на благо субъекта, однако в традиционной цивилизации акцент делается на усвоение, сохранение и даже консервацию ряда культурно-обусловленных черт субъектности через социальную идентичность; в то время как техногенная цивилизация способна фокусироваться на тех свойствах субъектности, которые связаны с характеристиками деятельности.

Субъектность, обретаемая в традиционной цивилизации через предзаданную идентичность, как правило, имеет развитую социальность и целеполагание, но может быть ограничена в рефлексивности и свободном развитии. Если человек имеет некий социальный статус с заранее определенным кругом прав, обязанностей и основных жизненных целей, причем из-за низкой социальной мобильности он редко способен изменить что-то из перечисленного, то, с одной стороны, он уже вписан в устоявшуюся систему социальных связей и четко представляет себе и свои цели в ней, и конечное предназначение ее самой – последнее, как правило, детерминировано религиозными системами. С другой стороны, рефлексия и возрастание свободы индивидов и групп для подобного общества далеко не всегда желательны, так как могут угрожать устойчивости такой социальной системы.

Развитие субъектности в техногенной цивилизации, наоборот, предполагает повышение значимости таких черт, как стремление к свободному развитию и рефлексивность, но при этом ослабляет социальность за счет разрыва устоявшихся общественных связей, а также может иметь проблемы с целеполаганием, постоянно ощущая противоречие личного и общественного. Сама идея прогресса, характерная для техногенной цивилизации, неосуществима на практике без высокого уровня свободы и рефлексивности, но при этом из всех

социальных подсистем прогресс возможен, преимущественно, в научно-технической и связанной с ней экономической. Остальные же подсистемы, испытывающие влияние научно-технического прогресса, но не связанные с ним напрямую, возникнув в рамках традиционной цивилизации, вовсе его не предполагают и даже могут активно ему противиться, так как для них любое серьезное изменение грозит разрушением. В связи с этим в современной техногенной цивилизации складывается амбивалентное отношение к прогрессу – одновременно восхищение (как было у некоторых идеологов футуристического движения), надежда на него и ужас перед ним. Что же касается противоречий личного и общественного, то они происходят от тех же причин: в традиционной цивилизации и созданных в ее рамках социальных подсистемах общественное почти всегда доминировало над личным, однако техногенная цивилизация, ориентированная на прогресс и возрастание личной свободы, неизбежно повышала также значимость индивидуального начала до того уровня, когда оно смогло быть противопоставлено групповому и даже общественному.

Как было указано ранее, адаптация современных обществ к научно-техническому прогрессу и его плодам невозможна без возрастания субъектности. И первым шагом здесь должно стать снятие противоречия между индивидуальной и коллективной субъектностью, что и выражается в необходимости надстройки над ними их своеобразного синтеза – полицентричной конвергентной субъектности, когда возрастание индивидуальной и коллективной взаимно зависимо, и происходит отказ от идеи, что повышение субъектности одних социальных акторов должно непременно достигаться за счет понижения субъектности других. Как не раз показывала нам история, стремление управляющих социальных систем директивно понизить сложность и субъектность управляемых рано или поздно приводит такие группы или социумы к упадку. В то же время активно развивающиеся социальные системы повышают сложность реакций и собственную субъектность на всех своих уровнях.

§ 2. «Основания для новых ценностных отношений и основополагающие свойства субъектности» рассматривает возможность снятия противоречий между ценностно-мировоззренческими представлениями техногенного и традиционного цивилизационных типов при включении того и другого в ценностную систему более высокого порядка, определяемую становлением полицентричной конвергентной субъектности. Содержательная, культурно обусловленная характеристика благ и добродетелей как оснований для цивилизационных ценностных перспектив способна реализоваться только посредством субъектно-обусловленного поведения и как таковая раскрывается по преимуществу через особенности уровней субъектности. Попробуем дедуцировать эти возможные представления из упомянутых нами ранее свойств субъектности. Для реализации *целеустремленности* как свойства субъектов они сами – как человек и общество в равной степени – должны быть терминальными ценностями, равнозначными и взаимозависимыми. *Рефлексивность* должна с необходимостью подразумевать ценности критического мышления, истины и новизны, в том числе научной – что и происходило в техногенной цивилизации по преимуществу. *Свобода* как способность к самостоятельности и самоуправлению предполагает, как ценность, высокий уровень ответственности абсолютно любого субъекта. *Способность к развитию* подразумевает ранее указанные качества субъекта, позволяющие ему самостоятельно и свободно определять критерии такого развития, которое может быть выражено в совершенствовании его самого как сложной системы на всех уровнях – как приближение его к желаемому образу и состоянию себя-в-мире. То есть это ценность самореализации в целом, творческого созидания. *Социальность* субъектов позволяет воплощать в жизнь все предыдущие максимы и подразумевает необходимость сохранения целостности и идентичности систем через непрерывные процессы социализации индивидов посредством сохранения и развития необходимых для этого институтов – то есть ценность сохранения социальных институтов как одновременно самотождественных и высоко адаптивных систем, способных отвечать на изменения и вызовы среды.

Таким образом, полицентричная конвергентная субъектность подразумевает по крайней мере наличие таких максимум как ценностных перспектив: *равноценности индивида и социума, ценности критического мышления и рационального познания, ответственности, творческого созидания, сохранения социальных связей и институтов.*

§ 3. «Иерархии благ и добродетелей: содержательные основания культурно-обусловленных ценностных отношений» исследует вопрос о том, каким образом в ранее описанную схему ценностного отношения могут встраиваться те конкретные понятия (например, мужество или ответственность, скромность или щедрость, или даже богатство, здоровье и др.), которые в нефилософском дискурсе и называются, как правило, ценностями. Работы, исследующие сравнительные особенности ранжирования благ и добродетелей в существующих локальных культурах, основаны, как правило, на количественных (в форме опросов и анкетирования) и, реже, качественных социологических исследованиях, иногда с привлечением культурологических или этнографических подходов. Ряд таких исследований был нами рассмотрен, в частности, работы М. Рокича, Э. Холла, Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Ф. Тромпенаарса, Р. Льюиса, Р. Инглхарта. В таких работах описываются представления, на которых могут быть основаны ценностные суждения, доминирующие в различных странах и культурах. Это могут быть индивидуализм/коллективизм, традиционализм/секулярность, различия в восприятии социальной иерархии и многое другое, что позволяет оценить культурную специфику различных регионов. Они с разной скоростью входят в техногенный тип цивилизации и встречаются с теми ранее описанными его противоречиями, которые способны привести к кризису. При этом очевидно, что как тяжесть, так и особенности протекания таких кризисов будут напрямую зависеть и от региональной культурной специфики. Можно предположить, например, что глубоко традиционалистские сообщества смогут нивелировать тяжесть таких кризисов для себя только при условии очень высокого уровня материального благосостояния. С другой стороны, при угрозах для культурной

идентичности традиционалистские тенденции могут заметно усиливаться в рамках попытки ее сохранения. Если техногенная и традиционная цивилизации – это типы цивилизационного развития, к которым может принадлежать множество локальных культур, то уникальность последних сформировалась именно в длительный традиционный период их развития, и она определила особенности их вхождения в техногенный этап и содержание вызовов и проблем, с которыми в каждом конкретном случае пришлось столкнуться. Также очевидно, что при схожих формальных подвижках в ценностных перспективах будущего посттехногенного типа цивилизационного развития, содержательные отличия будут сохраняться. Ценностно-нормативные комплексы культуры, чтобы иметь возможность воспроизводиться в течение длительного времени, должны храниться в культурной памяти через наличие норм как представлений, фиксирующих большее или меньшее соответствие конкретных поступков тому или иному благу или добродетели. Мера и критерии подобного соответствия для каждой отдельной культуры формируются и изменяются исторически в условиях необходимости приспособления подобных оценок к специфическим условиям, в которых существует эта конкретная культурная система. Эти комплексы могут показать, что именно вообще будет приспособливаться и, возможно, изменяться под влиянием научно-технического прогресса, где будет в каждом случае лежать «иное» этих комплексов, их противоположность, и как будет строиться в них взаимодействие индивидуальных и коллективных субъектов, определяющих и постоянно осуществляющих ценностное отношение к реальности.

§ 4. «Изменение образовательных парадигм как адаптивный механизм техногенной цивилизации» посвящен вопросам возникновения постнеклассической парадигмы образования и ее места в ряду других существующих парадигм. Можно констатировать, что формирование и распространение тех ценностных перспектив, которые могли бы «примирить» локальные культуры с инновациями техногенной цивилизации, можно было бы существенно ускорить через органичное включение этих инноваций в образовательные процессы. Существенная часть современного образования

функционирует в классической парадигме, незначительная часть опирается на неклассическую парадигму, а постнеклассическая парадигма применительно к этому общественному институту еще только начала формироваться. Исходя из постнеклассической парадигмы, мы имеем дело с системой взаимодействия «субъект-метасубъект», где вторая часть этой системы постоянно изменчива, а ее размеры и состав не всегда предсказуемы. В подобной ситуации должно добавиться нечто, позволяющее субъекту ориентироваться в этой меняющейся среде. Такая образовательная технология будет подразумевать еще большую степень ответственности и автономии субъекта, обучение его способности принимать решения в заранее не предсказуемых условиях. Если в классической парадигме субъект должен владеть суммой знаний, в неклассической парадигме он также должен быть разносторонне развит, то в постнеклассической парадигме на основе всего вышеуказанного он должен уметь выбирать наиболее оптимальные цели, как с точки зрения операциональной эффективности, так и этической релевантности. Необходимость в развитии этого постнеклассического подхода наглядно демонстрируется все большим распространением установки на непрерывное образование, а также развитием цифровых инструментов обучения, особенно с использованием онлайн-технологий. Доминирование онлайн-образования нежелательно в том случае, когда последнее является важным инструментом социализации, например, в школах, а также в тех случаях, когда передача знаний и навыков невозможна без использования специального инструментария и личного общения. В иных случаях такие формы обучения могут успешно использоваться, что мы уже наблюдаем. При этом они сами по себе способствуют повышению субъектности задействованных учащихся и преподавателей, так как помещают тех и других в среду, где доминирует взаимодействие с не всегда четко определимым метасубъектом (они могут не знать, кого именно учат или у кого будут учиться), что дает им большую свободу и одновременно сильно повышает требования к уровню их ответственности и критического мышления. В целом, повышение уровня образования социальных акторов – это один из важнейших факторов, обуславливающих рост уровня их

субъектности, наряду и в прямой взаимосвязи с ростом их экономической независимости.

§ 5. «Выводы из Главы 5» завершает данный раздел и кратко суммирует его основные положения.

В **Заключении** подведены итоги и указаны возможные направления дальнейших исследований.

Поставленная цель диссертационного исследования была успешно достигнута, так как были сформулированы ценностно-мировоззренческие основания для выхода из кризиса, порожденного техногенной цивилизацией.

Для достижения этой цели были решены обозначенные во Введении задачи.

Цивилизация была рассмотрена как аутопойетическая рекурсивная система, кризисы которой могут быть вызваны экзогенными или эндогенными воздействиями, нарушающими механизмы воспроизводства ее структур или же вызывающими разбалансированность системы из-за нарушения рекурсии ее системообразующих оснований на всех уровнях.

Была исследована роль ценностно-нормативных комплексов и показано, что ценности формируют отношения между субъектами и к объектам в социуме как системе и таким образом являются ее системообразующим фактором. Именно ценности в первую очередь должны аутопойетически и рекурсивно воспроизводиться, чтобы избежать кризисов.

Была раскрыта специфика техногенной цивилизации, которая как тип цивилизационного развития объединяет множество культур и характеризуется доминированием ценностей прогресса, научной истины и новизны. При этом данные ценности не регулируют существенную часть общественных отношений, которые продолжают использовать ценности традиционного типа цивилизации. Все это ведет к потере целостного мировоззрения и единства целеполагания.

Были выяснены причины и особенности кризиса техногенной цивилизации с его связи с динамикой технологического развития социумов. Кризис как нарушение слаженного и эффективного функционирования системы в случае

техногенной цивилизации вызван разбалансировкой ценностей, когда часть социальных подсистем использует ценностные системы, принадлежащие самой техногенной цивилизации, а часть – пришедшие из традиционной цивилизации. Также при ускорении научно-технического прогресса кризисные явления только усугубляются, так как нет ценностных механизмов для включения инноваций во все сферы общественной жизни (а не только в научную и производственную). В результате возникает эффект культурного лага.

Наконец, были выявлены ценностные перспективы, которые могли бы разрешить противоречия, возникшие в рамках техногенной цивилизации и вызвавшие ее кризис. Для разрешения указанных противоречий и выхода из кризиса необходимо создание метасистемы ценностей, которая сняла бы противоречия между ценностями различных субъектов, а также цивилизационных типов. Эта метасистема должна быть основана на самых общих из возможных оснований; и для человека и общества — это основания их субъектности. Но на желаемом максимально высоком уровне речь идет уже не только об отдельных субъектах, но и о человечестве как о всеобъемлющем метасубъекте. Чтобы повысить его адаптивность к кризисам, необходимо развитие полицентричной конвергентной субъектности, рассмотренной в Главе 5.

Необходимо также обозначить будущие возможные направления исследований, где могут быть более углубленно изучены те вопросы, которые в данной работе были затронуты относительно кратко. Механизмы, которые могли бы способствовать выходу из ценностного кризиса за счет повышения уровня субъектности всех действующих акторов, за исключением искусственных, в дальнейшем стоит рассмотреть в применении не только к техногенной цивилизации в целом, но также к отдельным локальным культурам с их уникальными нормами и традициями. Кроме того, полезным будет исследование влияния убеждений и ценностных отношений, обусловленных этими максимами, на развитие отдельно взятых социальных институтов, в особенности тех, что обеспечивают научно-техническое развитие. С точки зрения этики и аксиологии

науки было бы чрезвычайно полезно выяснить, могут ли подобные убеждения изменить текущую ситуацию, в которой до сих пор дебатировались вопросы ценностной нейтральности научно-технической сферы. Необходимо развивать идеи гуманитарной экспертизы технологий, социогуманитарного сопровождения науки в целях предотвращения экологических, социальных, мировоззренческих кризисов.

Также полезно будет привлечь результаты исследований по теории сложных систем и сложных сетевых структур для понимания антикризисного управления, управления рисками и социального прогнозирования.

Еще одним перспективным направлением может стать разработка новых образовательных парадигм и связанных с ними технологий обучения для возможности трансляции указанных оснований для ценностей, способных повысить уровень субъектности и, как следствие, личностного и социального развития.

Наконец, необходимо также помнить и о том, что любые максимы, лежащие в основе ценностных отношений, всегда подразумевают наличие и относительную проявленность и осознанность собственной противоположности. Так что еще одним из возможных направлений будущих исследований может стать рассмотрение тех субкультурных и контркультурных тенденций, которые способны возникнуть в ответ на распространение указанных максим как социально значимых представлений.

Поставленные в диссертации цели были достигнуты, а намеченные дополнительные направления исследований смогут в дальнейшем стать предметом следующих отдельных работ.

Основные публикации по теме диссертации

Монографии:

Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

Разделы в коллективных монографиях:

Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. М.: Когито-Центр, 2022. С. 85-98.

Статьи в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ:

- 1) Малахова Е.В. Субкультура в культуре: мировоззренческий аспект // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 63-67.
- 2) Малахова Е.В. Возможно ли искусство без катарсиса? // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 189-204.
- 3) Малахова Е.В. Мировоззренческий потенциал социального мифа // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 10. С. 214-220.
- 4) Малахова Е.В. Социальная мифология – основа или альтернатива идеологического сознания? // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 169-176.
- 5) Малахова Е.В. Информационное общество – мираж футурологов или наступившее будущее? // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 9-18.
- 6) Малахова Е.В. Концептуализация и становление системного рассмотрения феномена кризисов // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6. С. 1138-1142.
- 7) Малахова Е.В. Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. №6 (86). С. 17-23.
- 8) Малахова Е.В. Смена парадигмальных подходов к образованию как необходимое следствие его массовой цифровизации // Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 30-42.
- 9) Малахова Е.В. Аксиология техники – на пути к человекообразности сложных технических систем // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 218-222.

10) Malakhova E.V. Ethical Expertise of Artificial Intelligence Technologies in Subject-Oriented Social Relationships // *Философская мысль*. 2022. № 10. С. 23-34.

11) Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // *Философская мысль*. 2023. № 1. С. 26-41.

12) Малахова Е.В. Искусственный интеллект как предмет социальной мифологии // *Гуманитарные и социальные науки*. 2023. Т. 96. № 1. С. 33-41.

13) Малахова Е.В. Субъектность как основание формирующихся ценностей цифрового общества // *Социальное время*. 2022. № 3 (31). С. 25-36.

14) Малахова Е.В. Технологический прогресс как культурный феномен в зеркале конкурирующих мировоззренческих детерминант // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 5 (109). С. 70-77.

15) Малахова Е.В. Субъектность – цель или препятствие для развития искусственного интеллекта? // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 3 (178). С. 490-492.

Публикации в других научных изданиях:

1) Galukhin A.V., Guseinov F.I., Malakhova E.V., Novikova E.Yu. Conceptual Frameworks of Business Ethics // *Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities*. Atlantis Press, Paris. 2017. P. 709-712 (Web of Science).

2) Malakhova E.V., Garnov A.P., Kornilova I.M. Digital Economy, Information Society and Social Challenges in the Near Future // *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21. № S2. P. 576-586 (Scopus).

3) Малахова Е.В. Социальные измерения цифровых технологий в современном информационном обществе // *Научные исследования и разработки. Экономика фирмы*. 2019. Т. 8. № 1. С. 40-45.

4) Малахова Е.В. Проблема самоидентификации в условиях социально-культурного плюрализма // *Российская идентичность: социокультурный контекст. Сборник научных статей по итогам Международной научной*

конференции. Москва. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. ООО «Издательство КноРус». 2019. С. 64-68.

5) Малахова Е.В. Трансформация аксиологических детерминант в информационную эпоху // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Симпозиумы. Сборник научных статей. Москва. Российское философское общество; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии». 2020. С. 547-549.

6) Малахова Е.В. Эволюция социального восприятия проблем информационной безопасности в условиях ускоренной цифровизации // Двадцать четвертые Вавиловские чтения. Материалы международной междисциплинарной научной конференции. В 2-х частях. Часть 1. Поволжский государственный технологический университет. Йошкар-Ола, 2021. С. 58-60.

7) Малахова Е.В. Кризис техногенной цивилизации – постановка проблемы // Проблема трансформации человека в условиях кризиса техногенной цивилизации. Сборник научных статей. Отв. ред. В.Г. Буданов. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2021. С. 37-49.

8) Малахова Е.В. Проблема личной и социальной ответственности в информационном обществе // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества. Сборник статей по итогам Международной научной конференции. Москва. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. ООО Русайнс. 2021. С. 139-143.

9) Malakhova E. Ethical implications of artificial intelligence development // Системный подход и кибернетика, устремленные в будущее человечества. Сборник материалов 18 Конгресса WOSC2021. Москва. Когито-Центр, 2021. С.136.

10) Malakhova E. Problematization of the modern technogenic civilization's recursive potential // Системный подход и кибернетика, устремленные в будущее

человечества. Сборник материалов 18 Конгресса WOSC2021. Москва. Когито-Центр, 2021. С. 54-55.

11) Малахова Е.В. Проблема аутопойезиса техногенной цивилизации и формирование ценностных основ применения цифровых технологий // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 109-123.

12) Малахова Е.В. Методологические проблемы цифровизации современного образования // Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций. Двадцать пятые Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции: в 2 ч. Ч. 1. Йошкар-Ола. Поволжский государственный технологический университет. 2022. С. 244-245.

13) Galukhin A., Ponizovkina I., Malakhova E. Methodological Paradigm of Non-Classical Science // Wisdom. 2022. № 21(1). P. 13-26 (Scopus/Web of Science).

14) Lepskiy V., Malakhova E. Alexander Bogdanov's tektology, anticipating the evolution of social systems control // Systems Research and Behavioral Science. 2023. № 40(2). P. 381-392 (Scopus/Web of Science).